

Смерть, красота и тело: размышления о расстройствах пищевого поведения

Бекер Давид Львович

- Заведующий патопсихологической лабораторией Краевой клинической психиатрической больницы им. проф. И. Б. Галанта.
- К.м.н., психиатр высшей категории, психотерапевт, клинический психолог
- Специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Хабаровск) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления ЕАРПП

В этой статье я попытался показать, как проявления Танатоса, инстинкта смерти, крайне деструктивно влияют на психогенез, вызывая мощные абберации нарциссических идеалов красоты, используемые как средство защиты от невыносимого ужаса поглощения и аннигиляции материнским объектом, преследования жестоким Суперэго за силу инцестуозного влечения, а также как показатель необходимости сепарации с матерью, чья женственность пугает взрослыми желаниями и возможностями. Также я рассматриваю мотив жертвоприношения, проявляемый через тотальный отказ от женственности, как средство борьбы с инцестуозными фантазиями, лежащими в основе развития анорексии. В контекстуальном плане статья посвящена нарушениям пищевого поведения, чьи клинические проявления с начала Миллениума стали возрастать

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд предложил новую гипотезу: психическое функционирование индивида управляется конфликтом более глубоким, чем принцип удовольствия, — фундаментальным конфликтом между влечением к жизни и влечением к смерти.

—

дийская богиня Лакшми, супруга Вишну, которую исследователи относят к индуистскому пантеону, почиталась как богиня любви и красоты, имела второе имя (или ипостась) Шри, что означает «процветание». Считается, что её реинкарнацией была Драупади из «Махабхараты», первая в мире красавица, жена пандавов. Фрея, богиня скандинавского пантеона, также связывалась с красотой, любовью и плодородием. Каннон, богиня милосердия в японской буддистской традиции всегда изображается в образе красивой и праведной женщины. Существует несколько изображений этой богини, даже с головою лошади, но во всех из них подчёркивается её красота. Каннон также называют японской мадонной. Богиней любви и красоты в Греции была Афродита. Легенда об Афродите и Адонисе связывает эту богиню с периодом расцветания, тёплыми, плодородными временами года, несмотря на то, что в греческом пантеоне было место и для богини плодородия Деметры. Красота богини, таким образом, связывалась с красотой природы, её оживлением, началом нового цикла времён года.

Мужчины и женщины красивы, когда они нравятся противоположному полу. Воспринимаемая женщина или мужчина как своего возможного партнёра, мы никогда не ошибаемся, какому полу что нужно. Здесь действует «опыт предшествующих поколений». Эталон красоты — это, вероятнее, категория культуры. Каждая эпоха вырабатывала свои эталоны красоты. Эталон красоты женщины — то, что представляется идеалом и сегодня. Некоторые из стандартов красоты прошлого кажутся нам ужасающими, например, вытянутые металлическими кольцами шеи, губы, размером с блюдце. Иногда кажется, что стандарты женской красоты и здоровье плохо совместимы, даже сегодня женщины порой вынуждены ходить на высоких каблуках в течение дня и серьёзно ограничивать себя в питании, что не лучшим образом сказывается на опорно-двигательном аппарате и коже.

Противоположностью красоты является безобразие, чье антропоморфное воплощение в образе смерти представляется истощенной, безжизненной, костистой, асексуальной фигурой (достаточно вспомнить сказочные образы Бабы-Яги и Кошца Бессмертного). В настоящее время высокая мода продолжает рекламировать стандарт женской красоты как чрезвычайно худую, очень высокую фигуру с очень узкой талией и длинными ногами. В мифологии, сказках, произведениях художественной литературы красота неизменно связывалась с такими категориями как любовь, смерть и бессмертие, что блестяще отражено в древнегреческом мифе о богине зари Эос и прекрасном Тифоне.

Размышления о смерти пронизывают всю историю человечества, как во всеобщем, так и в индивидуальном аспектах. В древних мифах и легендах наряду с бессмертными богами, существовали смертные, чья жизнь имела определенную протяженность во времени. Смерть нередко фигурирует как олицетворенный образ: дух или божество смерти. Смерть часто представляет все злое, вредное, опасное, безобразное. Таковы образы египетского бога Сета, ассирийско-вавилонской Тиамат, у ацтеков — бог смерти и преисподней Миктлантекутли. В греческой мифологии Смерть представлена богом еще доолимпийского поколения Танатосом, который пребывает в мрачном царстве Аида вместе со своим собратом Гипносом, и вылетает оттуда, чтобы исторгнуть душу у жертвы и напиться жертвенной крови. В современном постиндустриальном обществе тема смерти часто дистанцируется, избегается и трансформируется через реактивное образование в повальном увлечении красотой, здоровьем, телесным перфекционизмом, нередко спроецированными на всемогущий экран общественного восхищения, посредством волшебной магии социальных сетей, исполняющих инфантильные желания.

Основатель психоанализа З. Фрейд неоднократно подчеркивал важность инстинкта смерти в своих фундаментальных работах. В 1920 г. происходит решающий поворот во взглядах З. Фрейда на функционирование психики. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд предложил новую гипотезу: психическое функционирование индивида управляется конфликтом более глубоким, чем принцип удовольствия, — фундаментальным конфликтом между влечением к жизни и влечением к смерти. Из этой работы в последующем у Фрейда вышло понятие инстинкта смерти, Танатоса, концепции, предложенной Сабиной Шпильрайн и концептуализированного Фрейдом. Под Танатосом, вслед за Эро Рехардом (Рехард, 2009) здесь будет пониматься упорное, постоянно активное инстинктуальное стремление к переживанию состояния покоя: попытки избавиться от того, что переживается как нарушающее покой, и/или того, что поддерживает нарушение покоя. Смерть является лишь одной конкретной формой состояния покоя, а разрушение — только одним конкретным средством стремления к состоянию покоя. Центральное и доминирующее намерение

А.Грин высказал предположение о существовании двойного нарциссизма: позитивного нарциссизма, целью которого является достижение единства, нарциссизма стремящегося к одному — угасанию (по крайней мере, частично) катексиса самости за счет объектного катексиса; и негативного нарциссизма, стремящегося к нулевому уровню, нацеленного в небытие и движущегося в сторону психической смерти.

стью и отвращением. Эго стремится защитить себя от нарушения покоя через равнодушие, уход, бегство или разрушение. Танатос, с точки зрения психоанализа, является упрямым, непрерывным и неумолимым стремлением к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом, в той или иной форме, внутренне присущим человеку. Агрессия — одна из форм проявления этого стремления, а собственная смерть или уничтожение другого человека могут быть средством, которым индивидуум пытается достичь состояния покоя.

Взгляд Фрейда на агрессивный, или деструктивный, инстинкт был недвусмысленно ясным: это стремление, ставящее целью уничтожить объект или самого субъекта. Он называл его одной из форм Танатоса или одним из инстинктов смерти.

Каковы основные типы его психических проявлений, через которые можно отслеживать его разновидности, или которые находятся среди его разновидностей? Фрейд упоминает, по меньшей мере, следующие:

- охраняющий щит против стимулов (стимульный барьер),
- повторение,
- агрессия и деструкция,
- помощь либидо в получении удовлетворения,
- мазохизм и садизм,
- связывание через контркатексис,
- деструктивность Супер-Эго,
- негативная терапевтическая реакция,
- отрицание (negation).

Уместным здесь кажется замечание Фрейда, сделанное в 1920 году: «В начале психической жизни борьба за удовольствие является гораздо более интенсивной, нежели в более поздние периоды, но она не настолько неограниченна: она должна часто прерываться. Эти перерывы мы можем понимать, как неудачу в реализации принципа удовольствия, в осуществлении целей Эроса, и вследствие этого — как неясное обращение целей вспять,

Танатоса, его конечная цель — это именно покой в той или иной форме, достигнутый тем или иным способом.

В своей статье «Влечения и их судьбы» (1915) Фрейд утверждает, что первичное, самое раннее по развитию отношение Эго с внешним миром характеризуется равнодушием. Первично Эго любит только себя и находит удовлетворение в своем собственном существовании. Однако неизбежно приходится находить объект, освобождающий от инстинктуального давления и приносящий удовлетворение. Объект есть источник удовольствия, поскольку он приносит удовлетворение и облегчение, но он также источник неудовольствия и нарушения покоя. Он стимулирует через свое существование инстинктуальные импульсы, жаждущие удовлетворения и таким образом также подкрепляет переживания неудовольствия. С появлением объекта в состоянии первичной любви к себе вторгаются ненависть и желание уничтожить нарушающий покой объект. Первичный отклик Эго на нарушающие покой стимулы внешнего мира характеризуется ненави-

подчиняясь влечению к смерти». А.Грин говорит о «деструктивном импульсе» и «агрессивном импульсе» и дает такое определение: «Деструктивность» — это инстинкт смерти, действующий внутри психического аппарата; «агрессивность» — это инстинкт смерти, обращенный вовне». Резюмируя свои взгляды, А.Грин высказал предположение о существовании двойного нарциссизма: позитивного нарциссизма, целью которого является достижение единства, нарциссизма, стремящегося к одному — угасанию (по крайней мере, частично) катексиса самости за счет объектного катексиса; и негативного нарциссизма, стремящегося к нулевому уровню, нацеленного в небытие и движущегося в сторону психической смерти. Это различие не может быть сведено к обычному различию между здоровым и патологическим нарциссизмом. Дисбаланс в сторону нарциссизма может быть позитивным, но вместе с тем, не менее патологическим, поскольку обедняет отношения с объектами. Он, однако, менее разрушителен, чем негативный нарциссизм, преследующий цель обнищания самости субъекта почти до точки аннигиляции. Нарциссические личностные расстройства не охватывают всех клинических исходов нарциссизма. Так, некоторые депрессии, которые А.Грин назвал моральным нарциссизмом, основываются, как правило, на аскетизме и отрицании удовольствия (лишение удовольствия имеет большее значение, чем само удовольствие, в соответствии с общими стандартами удовольствия), и включают в себя переживание бесполезности, неэффективности, пустоты, отсутствия аппетита и крайнюю степень идеализации — примеров декатектированных побуждений. Де Мази отмечает (de Mazi F., 2015), что в случае крушения отношений зависимости ребенка от первичных объектов или значительной фрустрации может развиваться психопатологическая структура, противостоящая жизни и человеческим отношениям. С такими пациентами (начисто лишенными аффектов и захваченными патологическими идентификациями с деструктивными фигурами), прежде всего, требуется работа над реконструкцией, позволяющей им обнаружить воспоминания об инфантильных травмах.

Де Мази полагает, что предрасположенность к деструктивности происходит от нехватки либидинального объектного катексиса, совмещенной с компенсаторной идеализацией нарциссизма, поврежденного унижающим и обесценивающим опытом. Это можно увидеть в яростных атаках на тело, с целью добиться окончательной и бесповоротной победы над ним, утвердиться на заданной высоте невыразимой легкости ощущений, отражающих золотую фантазию об идеале красоты, чистоты и непорочности.

Герберт Розенфельд (Rosenfeld, 1971) высказал идею о потенциальной деструктивности определенных нарциссических образований на фоне объектного дефицита. В этих патологических состояниях плохая внутренняя сущность — «плохое Я» — идеализируется в качестве защиты. Это патологическое нарциссическое ядро отстраняет субъекта от своих и чужих эмоций и от контакта с людьми. Эта, так сказать, бредовая сущность обладает, если можно так выразиться, преимуществом не только в том, что позволяет освободиться от страданий, но и в том, что предоставляет доступ к крайне трансгрессивным формам удовольствия или *jouissance*¹. Последние характеризуются не снижением напряжения, что свойственно обычному способу удовлетворения инстинктивного влечения, а своего рода *jouissance* в напряжении, стремящимся воспроизводиться непрерывно — в деструктивном модусе. Деструктивный нарциссизм этого типа ведет к организации личности индивида наподобие криминальной банды, где все находится под властью лидера, обладающего абсолютным контролем и над пользой, и над деструктивной деятельностью. Сам Фрейд постулировал основания подобного механизма в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» (Freud, 1921). Если агрессия обычно заряжена эмоциями и часто составляет полезную для выживания защиту, то деструктивность в большей мере направлена против самих источников жизни.

Здесь я хочу перейти собственно к проблеме пищевых расстройств, которые начинаются в подростковом возрасте и приводят к необъяснимым на первый взгляд и катастрофическим

1 *Jouissance* (фр.) — наслаждение

Убийство отца приводит к осознанию того, что для выживания общества необходимы отречение и жертвоприношение. «Мёртвый отец стал теперь ещё сильнее, чем был при жизни...» (Фрейд, 1913). То есть, он превратился в могущественный символ, обладающий фаллическим означаемым. С этого момента устанавливается закон — закон «мертвого отца», дающий начало образованию культуры, общества и экзогамной семьи.

ной из-за страха быть брошенной. Однако, я, все-таки, сегодня хотел бы обратить внимание на эдипальную динамику в развитии расстройств пищевого поведения.

В своей работе «Тотем и табу» (1913) З. Фрейд описывает первичное отцеубийство первобытной ордой, за которым последовало раскаяние и чувство вины (сыновья в орде одновременно и ненавидели, и любили отца). Убийство отца приводит к осознанию того, что для выживания общества необходимы отречение и жертвоприношение. «Мёртвый отец стал теперь ещё сильнее, чем был при жизни...» (Фрейд, 1913). То есть, он превратился в могущественный символ, обладающий фаллическим означаемым. С этого момента устанавливается закон — закон «мертвого отца», дающий начало образованию культуры, общества и экзогамной семьи. Первая и наиболее важная идентификация с доисторическим отцом в «личное доисторическое время» формирует Эго-идеал, который становится заместителем «стремления к отцу» (Фрейд, 1923) и отличается от функции запрета, которой наделено Супер-эго. Следует добавить, что первичная идентификация репрезентирует родителей как единое целое, но сдвиг происходит к отцовской функции. Если первичная идентификация предшествует объекту и связана с «нарциссическим отцом» (Stoloff, 2000, 2007), то вторичная идентификация связана с отказом от объекта и несёт идею «мертвого отца». Концепция «мертвого отца» представляет собой попытку регуляции страстей и принесение в жертву инцестуозных желаний.

Жак Лакан и вслед за ним Розолато (Rosolato, 1969), Жак Хасон и Розин Перельберг (Perelberg, 2009) концептуализировали понятие «мертвого отца», как символического третьего. В этом смысле данная идея получает особую, я бы сказал проксемическую коннотацию, так как выход из зоны симбиотического единства с матерью возможен при появлении фигуры третьего, отца (причем совсем необязательно его физическое присутствие).

Отец присутствует в психике матери, и не только он является третьим. Эдипов треугольник является открытым, где третий может быть заменяемым (A.Green, 1992). В культурной структуре существуют передаваемые из поколения в поколение множество запретов, табу:

последствиям: чаще это молодая девушка, которая начинает быть недовольной собой, своим телом, которое кажется ей непропорционально толстым, она ограничивает себя в еде, худеет и далее уже не может остановиться, не замечая и упорно игнорируя явный дефицит массы тела. Мало того, любые попытки указать на проблему с весом окружающими приводят к яростному негодованию, конфликтам с близкими, социальному дистанцированию. Именно подростковый возраст с его поисками идентичности (Э. Эриксон), наполнением энергией либидо взрослеющего тела переводит на новый уровень возможность реализации инфантильных фантазий, активизирует травматическую память. Тема нарушения отношения с едой в психоанализе часто переводится в разряд нарушений объектного функционирования, где тело в результате диссоциации становится репрезентацией, например, плохой матери, которую таким образом можно контролировать, или связывается с отчаянной попыткой выйти из симбиотической близости, одновременно и желанной, и опасной.

на убийство, инцест, человеческие жертвоприношения. Наша психика с первобытных времен защищает себя от табуированных влечений. Бессознательная вина, открытая психоанализом, показывает, как мы ответственны за нашу психическую реальность, за наши бессознательные желания, которые всегда присутствуют (А.Косопанов, 2019). В ходе проработки эдипальных конфликтов ребенок неизбежно сталкивается и с собственной нарциссической борьбой, и с родительской тенденцией к детоубийству.

В связи с этим приведу греческий миф о жертвоприношении Ифигении ее отцом Агамемноном. В греческой мифологии Ифигения — дочь Агамемнона и Клитемнестры. Когда греческий флот, направлявшийся под Трою, задержался в беотийской гавани Авлиде из-за отсутствия попутного ветра, жрец Калхант объявил: богиня Артемида гневается на греков за оскорбление, нанесённое ей Агамемноном, и требует принести в жертву его дочь, Ифигению. Уступая настойчивым требованиям ахейского войска и главным образом Одиссея и Менелая, Агамемнон вызвал Ифигению в Авлиду под предлогом её бракосочетания с Ахиллом. В момент жертвоприношения Ифигения была похищена с алтаря Артемидой, которая заменила девушку ланью; по другой версии — медведицей или тёлкой (возможно, с этого момента место Ифигении среди дочерей Агамемнона занимает Ифианасса). Сама же Ифигения была перенесена богиней в Тавриду и сделана жрицей в её храме. Здесь она должна была приносить в жертву всех попавших в эти края чужеземцев. От руки Ифигении чуть было не погиб её брат Орест, прибывший в Тавриду по велению Аполлона для того, чтобы вернуть в Элладу деревянный кумир Артемиды. Но брат и сестра узнали друг друга, и Ифигения спасла Ореста; они вместе возвратились в Грецию. Ифигения продолжала служить Артемиде в её храме в аттическом поселении Браврон.

Убийство ребенка — это фантазм, глубоко скрытый в бессознательном индивида. Для того, чтобы жить, необходимо убить ребенка — плод воображения и желаний родителей, порвать с первичными нарциссическими чувствами, которые представляет этот ребенок.

го симптома, можно попытаться объяснить психодинамические процессы, развивающиеся при анорексии.

Убийство ребенка — это фантазм, глубоко скрытый в бессознательном индивида. Для того, чтобы жить, необходимо убить ребенка — плод воображения и желаний родителей, порвать с первичными нарциссическими чувствами, которые представляет этот ребенок.

Отец, по приказу которого, равного закону (закон «мертвого отца»), совершается акт жертвоприношения дочери, в мифе навсегда лишает ее своей любви, избавляясь от кровосмесительных желаний. В семьях больных анорексией с патогенной динамикой мне часто приходилось наблюдать психологически сложные отношения дочери с отцом. В таких семьях мать часто была доминирующей и контролирующей, а отец вносил непостоянные, иногда чрезмерные и подавляющие инвестиции в воспитание ребенка. При наступлении подросткового возраста инцестуозные желания с обеих сторон становятся все сильнее, дочь вступает в борьбу с матерью, пытаясь выйти из-под ее контроля и власти. Она обращается к отцу за помощью, но он не в состоянии установить необходимый поддерживающий контакт и, в результате декатексиса возвращается на нарциссический уровень, отдаляется от дочери, что приводит к травматической сепарации. (В рисунках пациентов с анорексией мы нередко находим отражение такой травмы в виде дупла в дереве или пня от поваленного дерева).

Итак, дочь Ифигения в мифе становится жертвой. При анорексии тело дочери превращается в асексуальный символ этой жертвы. Интенциональность такой динамики обращена в сторону фантазии о вечно юной и бесконечно обожаемой детской красоте и вечной невинности. Кроме того, отец избегает конкуренции с будущим избранником дочери, а ее телесная дефицитарность (аскеза) выглядит как искупительная жертва, снимая «грех» взросления и позволяя перевести эту связь во вневременной континуум. В войне за обладание абсолютной красотой, женственностью и сексуальностью (в мифе это Елена Прекрасная, родная сестра Клитемнестры, жены отца Ифигении) приносятся в жертву инцестуозные желания. Происходит травматическая фиксация на этом этапе взросления, при котором психическая диссоциация отщепляет Я-тело от сексуального инстинкта и от непереносимых аффектов боли, стыда и страха. Тело, как и в случае мифологической Ифигении, ставшей служительницей культа Артемиды, вечно юной богини-охотницы и женского целомудрия, приобретает новую функцию: оно позволяет мазохистически возвыситься и стать недостижимой для «смертных» родителей. Бывшая жертва обретает власть — так же как тело над Я. Пациентка-подросток делает тело жертвой своей конкретизированной агрессии,

Лань относится к «трём бесчувственным существам» китайского буддизма, олицетворяя любовную страсть. Кроме того она может символизировать также женское начало в обрядах инициации. Основной жертвой в израильском богослужении является жертва за грех, или жертва заклания, которую приносили во искупление непреднамеренных проступков (Лев 4:2). Ифигения любит отца, и в результате соглашается добровольно пожертвовать собой. Ее жертвенность, интенциональность принесения себя в жертву принята богиней Артемидой. Она, Ифигения, уже не сможет превратиться в женщину, и всю жизнь будет служить Артемиде, охотнице, вечно юной деве-девственнице.

Отталкиваясь от мифа как коллективной фантазии, повторяющейся в онтогенезе и реализуемой в виде психосоматического

первоначально направленной на отцовскую властную фигуру — она больше не беспомощна, она может чего-то добиться, получает власть, которой в другом случае у неё нет. «Мое тело принадлежит мне, и я могу делать с ним все, что я хочу!» (М. Хирш, 2018). Другая сторона такой динамики — отказ-отречение от прямого соперничества с матерью, чья непревзойдённая женственность и красота, как у Елены Прекрасной грозит пугающей взрослой сексуальностью и истощающей борьбой. При этом борьба с собственным телом заменяет настоящую борьбу за отделение от родителей на этапе взросления (М. Хирш, 2015). Но жертвоприношение ребенка в конечном итоге приводит к ужасным последствиям: в мифе мать Ифигении Клитемнестра со своим любовником убивают вернувшегося с троянской войны мужа, царя Агамемнона.

Для того, чтобы пройти эдипальную стадию и отказаться от инцестуозных фантазий, необходимо убить отца и оплакать его. Объект необходимо утратить, чтобы он был репрезентирован (Фрейд, 1920). В данном мифе все происходит наоборот: отец повелевает совершить обряд жертвоприношения дочери и ее мать в последующем убивает его. Следование мифологическому сценарию довольно часто, если не всегда, приводит к драматическому финалу. Анорексия, как жизненная драма анти-Эдипа возникает также после прекращения структурообразующей функции отца в семье, например, после его смерти, или ухода из семьи. Дочь, в свою очередь, бессознательно пытается сохранить связь с отцом через символическую идентификацию с фаллосом, на который становится похожей ее тело. Тело становится означаемым травматического отыгрывания в виде анорексии, которая означает подростковый бунт против сложившейся семейной ситуации и зарождающейся новой идентичности.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ:

Северина 15 лет. Родилась от смешанного брака (отец русский). Северина старшая в семье, ее родная сестра младше на 5 лет. Отец серьезный, педантичный, активный, спортивный. Занимается бизнесом в сфере образования. Мать эмоциональная, чувствительная, цепкая и сильная. Северина всегда была круглой отличницей, получение оценки «4» воспринималось ею как провал. Тем более, что бабушка со стороны матери — бывший крупный руководитель в педагогической сфере — всячески подчеркивала желательность получения только высших баллов. Северина училась легко, ей прекрасно давались точные науки наряду с литературой и иностранными языками. Однако в начальной школе она была полной и подвергалась насмешкам одноклассников, что, несомненно, травмировало девочку, нанеся ей нарциссическую рану. Об этом Северина никогда не забывала. И если она не считала себя красавицей по внешним данным, то в остальном она была «прекрасна»: в «старой» школе неизменно пользовалась уважением сверстников, так как блестяще училась, давала списывать написанные прекрасным, чётким почерком домашние задания, была справедливой, незлобивой, рассудительной.

В подростковый период Северина начала проявлять характер, что приводило к напряженным отношениям с отцом или прямым столкновениям, а вот с младшей сестрой таких проблем не было: девочка пользовалась безусловной любовью отца и матери, была спокойной, доброжелательной, отзывчивой. Северина, по ее словам, конкурировала с сестрой за внимание родителей, и они ругались, что, по её словам, было причиной обращения на себя внимания родителей. В 15 лет у девушки начались проблемы с внешностью: казалась себе толстой, уродливой, тяготил «лишний вес». Особенно это стало заметно после

Для того, чтобы пройти эдипальную стадию и отказаться от инцестуозных фантазий, необходимо убить отца и оплакать его. Объект необходимо утратить, чтобы он был репрезентирован (Фрейд, 1920).

конфликта с родителями отца, у которых они гостили. К этому времени мать изменила режим питания, стала придерживаться вегетарианской диеты. Дочь тоже перестала есть мясо, вес стал падать и дошел до 37 кг при росте 158 см. На этом фоне и без того непростые отношения матери с отцом еще больше осложнились, так как он считал, что у девочки нет никакого заболевания, а просто «блажь в голове как у подростков». Девочка была обижена на отца, в чьей поддержке она нуждалась, но отец так и не понял всю серьезность состояния дочери, нанеся ей нарциссическую травму, — она очень была привязана к отцу. Для нее он был воплощением целеустремленности, широты ума, ответственности, смелости. Однако в отношении к дочери ему не хватало мягкости, добросердечности и открытости. Наметившийся супружеский кризис еще больше расстроил отношения Северины с отцом. В конце концов, мать принимает решение оставить мужа на время лечения дочери заниматься бизнесом на старом месте, а сама переезжает в город к своей матери вместе с двумя дочерьми.

В ходе анализа с сеттингом 1-2 раза в неделю Северина охотно рассказывала о своей семье, взаимоотношениях с родственниками, учителями, бывшими школьными друзьями. В классе ее ценили за легкий нрав, отсутствие заносчивости, превосходства и, что немаловажно, за прекрасный разборчивый почерк, который давал возможность списывать домашние задания, — Северина редко кому отказывала в этом. В течение нескольких месяцев, очень быстро в результате позитивного переноса сложился терапевтический альянс, который сослужил хорошую службу в будущем, когда возникла необходимость в госпитализации. Кроме девочки, я находился в консультативном контакте с ее матерью, бабушкой и отцом, проводя нечастые индивидуальные сессии поддерживающего и информационного характера. Переживания за клиентку читались в печальном и беспокойном взгляде матери, взволнованном голосе отца, с которым я встречался по Скайпу, деловитом и распорядительном поведении бабушки. На начальной стадии терапии Северина старалась уходить от разговоров о весе, отношения к телу, испытывая амбивалентные чувства. Это находится под влиянием противоборствующих сил: идеала Я, берущего начало в инфантильной сексуальности и жестокой критикующей части родительского интроекта. Такое «перетягивание канатов» приводило к высокому внутреннему напряжению, частому молчанию, необходимостью, как я это ощущал, оказывать эмоциональную поддержку клиентке. Это смещало аналитическую позицию с нейтральной на поддерживающую, но способствовало формированию альянса с клиенткой. Техническая модификация заключалась также в том, что на начальном этапе и в средней части аналитической терапии были использованы методы арт-терапии (рисунок на заданную тему, работа с письмами и др.). Уже в первых рисунках клиентки, а Северина блестяще рисовала, прослеживался травматический след: поваленное дерево среди других трёх ёлок и одиноко стоящая ель на противоположном берегу ручья, расположенные на одном рисунке; дупло в середине листовенного дерева с гладкой корой ярко коричневого цвета и зеленой листвой. Вероятно, это могла быть травма развития, актуализированная под влиянием внешних семейных обстоятельств.

В переносе я был репрезентантом ее деда, который пользовался у девочки авторитетом, уважением и всегда поддерживал ее. Она беспокоилась за состояние его здоровья, его сердца, что находило также отклик и во мне. В контрпереносе я испытывал чувства беспокойства, тревоги, беспомощности, злости, что связывалось с непростым течением анорексии. Другой особенностью клиентки были внутренняя скованность и заметное отсутствие эмоциональной экспрессии, что затрудняло понимание интрапсихических процессов и, следовательно, предъявляло особые требования к распознаванию и работе с собственным переносом и контрпереносными реакциями. В контрпереносе отсутствовала сколь-нибудь выраженная агрессия, которая часто встречается при работе с анорексией. Напротив, периодически испытываемое мной щемящее чувство жалости, любви, печали могло говорить о внутренней драме отчаяния и нехватки нарциссических ресурсов. Самыми трудным был этап, когда после улучшения состояния в первой фазе терапии, возникло «застревание» на одном и том же месте: сессии носили однотипный характер, часто сопровождалось паузами, молчанием, словно свободное течение потока было нарушено этим «поваленным

деревом». Несколько раз Северина пропускала сессии. Видя ухудшающееся физическое состояние клиентки, депрессивный модус психики, мною было принято решение, которое мы обсудили с Севериной и ее бабушкой (мать была в отъезде) о госпитализации в психиатрическое отделение, в котором Северина провела 3 недели. После выписки и видимого улучшения состояния мы продолжили терапию. На втором этапе, который совпал с переходом в другую школу, основное внимание было уделено работе с чувствами вины, страха и поиска новой идентичности: чувствовалась, что девушка пытается принять себя, новое окружение, которое поначалу казалось ей чужим и холодным. Постепенно она стала активнее в классе, завела себе небольшой круг друзей, блестяще училась, но старалась уйти от грозного контролирующего родительского интроекта, заставлявшего добиваться только исключительных результатов. На сессии неоднократно возникала тема здоровья у близких, особенно у бабушки, означающая защитное смещение фокуса со своего здоровья, которое ещё вызывало тревогу. Очевидно, что в переносе также имелось в виду и беспокойство за здоровье аналитика. Это не могло не вызвать контртрансферентной тревоги, контейнирование которой помогало поддерживать устойчивую атмосферу на сессии. В результате, хотя у Северины еще возникали колебания в отношении восприятия своей внешности, основной мотив на завершающем этапе терапии был связан с развитием социальной жизни, социальной идентичности девушки: отношения со сверстниками, друзьями, будущая профессия и т.д. Произошло принятие ситуации пространственного разделения семьи, хотя полного прощения отца не произошло, она продолжала любить его, но не до конца справились с обидой на отца. В последующем девушка переехала в другой город с семьей, затем поступила в один из престижных Московских ВУЗов, познакомилась и стала встречаться с молодым человеком.

Теперь хочу привести два сновидения, которые рассказала Северина на первом году нашей работы:

ПЕРВЫЙ СОН С ЛИФТОМ

Мы в лифте на 6 человек, там я, бабушка, дедушка со стороны отца (с ним плохие отношения), сестра двоюродная — дочь папиной сестры, брат её родной (всего 5 чел.) там тесно, так как брат и дедушка большие. Движения не чувствуется. Бабушка стоит напротив и говорит: «Ты такая же, как твой отец», со злостью в голосе. Я защищаюсь и говорю на повышенных тонах: мы хорошие, в любом случае мы такие же, как ты. Она продолжает: «Вы плохие». Я злюсь на неё. Напряжение нарастает, она продолжает кричать и другие говорят, что ты стоишь как он, и говоришь как он. Потом они резко пропадают, но я продолжаю слышать голос бабушки. Она говорит: «Ты вообще тупая, ты даже задачу не можешь решить». Я соглашаюсь и слушаю. Она задает задачу, которую я как будто уже слышала и не знаю её решения. Задача такова: лифт останавливается и у тебя в руках карандаш, что ты будешь делать? А у меня страх, я же не учусь (на момент данного сновидения пациентка вынужденно оставила занятия в школе из-за плохого самочувствия). Она говорит: «Я слышала решение, Маша её решила (двоюродная сестра). Просунь карандаш в створку лифта, посмотри, сколько написано (250), потом раздели на 21». Я считаю в уме. Кабина обрывается. Я помню темноту, обломки. Я слышу голос: «Ты упала с 21 этажа». Я понимаю, что это и есть решение. Не знаю: то ли цифра-решение, то ли фраза о падении.

ВТОРОЙ СОН ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ

Здание, огромное и очень высокое. Красивый ландшафт, лес, здание очень высокое и в виде колодца, а там лифт как площадка без ограждения. Там я и мои одноклассники, и мы катаемся на этом лифте вверх и вниз. Там всем руководит Лена С., ученица 11 класса, она очень успешная, побеждает в олимпиадах. Лифт с большой скоростью едет, там ветер наверху и мы катаемся много раз. Лифт раскачивается, плохо едет, я выпадаю из здания, девочка меня хватает, и я остаюсь живой наверху здания и говорю: «Мне страшно, я не хочу», — и сон заканчивается.

Семейная ситуация на тот период такова, со слов девушки: «Мама хочет расстаться с отцом, и бабушка со стороны отца приходила к бабушке со стороны мамы и ругала своего сына, что они все никчемные. Но ведь папа очень похож на неё! Бабушке важно, чтобы ей поверили, что она на маминой стороне. Я защищаю отца. Папа очень похож на бабушку, а я похожа на папу. Я не хочу, чтобы она что-то знала о нашей семье (папа, мама, сестра и я)».

В этих сновидениях явно прослеживается наряду с темой соперничества и перфекционизма, нарциссическая танатоидально-жертвенная динамика как самонаказание за неуспешность и идентификацию с отцом, чьим репрезентантом является Северина. Бабушка здесь представляется лидером чрезвычайно жестокого интроекта, отражающего танатоидально-деструктивный паттерн отношений, также являющейся представительницей отцовской, мужской стороны. Страх смерти и счастливое избавление от гибели представляют другую сторону сил спасения системы самосохранения и внешней поддержки.

В данной статье я показал, как стремление к красоте, отражающее перфектный нарциссический паттерн связано с танатоидально-деструктивными отношениями с собственным телом, через которое осуществляется попытка решить множество задач взросления и выхода из семейного кризиса. Актуализация эдипальной проблематики приводит к драматическому отказу от инцестуозно-либидинозного катексиса со стороны отца, который не стал по-настоящему «мертвым» в драматическом психическом пространстве семейного треугольника, а отыграл его через деструктивно-жертвенную динамику отношений с дочерью в реальном мире. ■

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Косопанов А.Б. «Смерть в колыбели» // доклад на конференции ОПП- Москва, 2019.
2. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М., 1996. — С. 56.
3. Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. — СПб.: Питер, 2001 — С. 98.
4. Лоуренс М. «Залюбить до смерти: пациентка с анорексией и ее объекты»// Международный журнал психоанализа — 2001 г.
5. Перельберг Р. «Убитый отец»; «мертвый отец»: переосмысление эдипова комплекса // Международный психоаналитический ежегодник — 2012. - № 2. — С. 177-200;
6. Райкрофт Ч. Критический словарь по психоанализу. — СПб.: Питер, 1995 - С. 103.
7. Рехард Э. Ключевые проблемы психоанализа: Избранные труды / Пер. с англ.-М.: Когито-Центр, 2009.- 331 с. (Библиотека психоанализа)
8. Фрейд З. Влечения и их судьба. Интерес к психоанализу. — Минск, 2004. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Я и ОНО: сб. — М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. — С. 739-839
9. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. — СПб., 2002
10. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии [входит: Боязнь инцеста, Табу и амбивалентные чувства, Анимизм, магия и всемогущие мысли, Инфантильное возвращение тотема] // Фрейд З. Я и ОНО: сб. — М.: Эксмо-Пресс
11. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного. — СПб.: Питер, 2002.
12. Хирш М. «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу».- М: Когито-Центр, 2018, Серия: Библиотека психоанализа.
13. О'Шоннеси Э. «В отношении Суперэго»// Международный журнал психоанализа — 1999, 80:861-870.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
15. Green A. (1992). *La deliaison*. Paris: Belles Lettres.

16. Green A. (2002). The construction of heterochrony. In: Time in psychoanalysis: Some contradictory aspects, 9–27. London: Free Association Books. [(2007). Also in: Perelberg R.j editor. Time and memory, 1–22. London: Karnac.]
17. Green A. (2004). Thirdness and psychoanalytic concepts. *Psychoanal Q* 73: 99–135.
18. Green A. (2008). The construction of the dead father. In: Kalinich L, Taylor S, editors. The dead father: A psychoanalytic enquiry, 23–46. London: Routledge.
19. O'Shaughnessy E. Relating to the Superego. *International Journal of Psycho-Analysis* (1999), 80:861-870.
20. Kristeva J. (2008). A father is beaten to death. In: Kalinich L,, Taylor S,, editors. The dead
21. Levi-Strauss C. (1969). The elementary structures of kinship and marriage. Boston, MA: Beacon Press.
22. Perelberg R.j. (1980). Umbanda and psychoanalysis as two different ways of interpreting mental illness. *Br J Med Psychol* 53: 323–32.
23. Perelberg R.J. (2006). Controversial Discussions and apres-coup. *Intjp_m* 220 [Also in:
24. Perelberg R.J. (2008). Time, space and phantasy, 106-30. In: Perelberg R.J. (2009). The first narrative, or In search of the dead father. *Cat J Experience of time: Psychoanalytic Perspectives*. London: Karnac.
25. Pontalis J.-B. (1977). *Entre le reve et la douleur*. Paris: Gallimard.
26. Rosenfeld, H. (1952). Notes on the Psycho-Analysis of the Super-Ego Conflict of an Acute Schizophrenic Patient. *Int. J. Psycho-Anal.* 33:111-131
27. Rosenfeld, H. (1962). The Superego and the Ego-Ideal. *Int. J. Psycho-Anal.* 43:258-263
28. Rosolato G. (1969). *Essais sur le symbolique*. Paris: Gallimard.
29. Schafer, R. (1960). The Loving and Beloved Superego in Freud's Structural Theory. *Psychoanal. Study Child* 15:163-188
30. Stoloff J.-C. (2000). *Interpreter le narcissisme*. Paris: Dunod.
31. Stoloff J.-C. (2007). *La fonction paternelle*. Paris: In Press Editions.
32. Winnicott D.W. (1971). Mirror-role of mother and family in child development and reality, 130–8. Harmondsworth: Penguin.